КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Ю. В. Бромлея «ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ЭТНОСА».

(М.: Наука, 1983, 412 с.)

Выходом в свет книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса» заверша определенный этап в развитии теоретических основ советской этнографической уки, отмеченный повышенным интересом к совершенствованию ее понятийно-минологического аппарата и к определению ее места в общей системе нау дисциплин. Исследования последних полутора десятилетий особенно ясно вы ли пограничные области других наук, области, где методы и результаты э графических исследований могут оказаться весьма полезными для «смежник Естественно поэтому, что «Очерки теории этноса» вызвали интерес у предст телей разных гуманитарных и естественных дисциплин и побудили некоторы них высказать свои соображения о проблемах, затронутых в книге Ю. В. Б лея, в связи с современным развитием тех наук, которые представляют эти циалисты.

Редакция журнала «Советская этнография», публикуя отклики на к Ю. В. Бромлея, надеется, что ее обсуждение будет полезно для дальнейшего вития теоретических исследований в области общественных наук. В обсужд участвуют: д. и. н. М. А. Барг, заведующий сектором Института всеобщей и рии АН СССР; д. и. н. С. А. Арутюнов, ст. научный сотрудник Института э графии АН СССР; член-кор. АН СССР Б. Ф. Ломов, директор Института пс логии АН СССР; д. ф. н. Л. А. Гордон, заведующий лабораторией Инсти международного рабочего движения АН СССР; д. г. н. Я. Г. Машбиц, завес щий сектором Института географии АН СССР; академик Г. В. Степанов, ди тор Института языкознания АН СССР.

Процесс дифференциации наук, ставший важнейшим критерием их прогресс одной стороны, и все возрастающий поток информации в пределах каждой из ни с другой, обусловили не только наличие «средостений» между отдельными наукам даже в сравнительно однородных областях познания, — но и резко сузили круг чте специалистов, физические возможности которых временами едва обеспечивают о дение текущей информацией в относительно узкой области исследования.

Этим печальным издержкам научного прогресса противостоит тенденция, кото я назвал бы теоретическим возрождением многих частных наук, в том числе и гум тарных. Усилившийся в последние два десятилетия интерес специалистов-гуманит ев к теоретическим основам собственных исследований создает объективные пре сылки не только для преодоления разноязычия между науками, но и для объедине усилий в разработке проблем, связанных с формированием теории гуманитарного ис дования в целом. Именно в этой связи меня глубоко заинтересовал новый труд ак мика Ю. В. Бромлея, опубликованный в издательстве «Наука». Думается, я не ошиб если усмотрю в нем наиболее капитальную попытку создания теоретического фу мента для одной из областей марксистского обществознания, а именно, этнограф Ничего подобного мы до сих пор не обнаруживаем ни в одной другой области гу нитарного исследования. И если советская этнография ныне со всей очевиднос переживает период интенсивной внутренней рефлексии, если она оказалась в этом ношении на переднем крае гуманитарного знания, намного обогнав, по моему уб дению, историческую науку, то в огромной степени она обязана этим тру Ю. В. Бромлея. В них счастливо сочетаются глубокое знание состояния предмета только в нашей стране, но и его общемирового уровня и творческая диалектико-ма риалистическая мысль. И еще одна особенность, эти труды отличающая, мимо ко рой историк не может пройти равнодушно — пронизывающий их последователь

историзм, сознание относительности всех граней и определений, действительность последних, связанная пространственно-временными гранями. Именно благодаря этим особенностям историк находит в рассматриваемом труде, в частности, много для себя поучительного. И прежде всего — как автор решает стоящую перед ним задачу создания систематически разработанной «частной теории» предмета. При этом автор хорошо сознает, что метод этого решения выходит за рамки данного предмета и имеет в границах гуманитарных наук общенаучное значение (недаром он адресует свою книгу всем тем специалистам, «которые в той или иной мере имеют исследовательский интерес к этнической проблематике» с. 5). И в этом он не ошибся, ибо обобщенный в данной книге опыт систематической разработки логико-семантического аппарата этнографии, несомненно, наталкивает на размышления всех гуманитариев, проявляющих интерес к теоретическим основаниям своего предмета. Роль подобного опыта поистине трудно переоценить, поскольку, по моему глубокому убеждению, для всех «частных наук» о человеке настала пора пристально присмотреться к системе понятий, которыми каждая из них оперирует. Всем специалистам, работающим в данной области, хорошо известно, насколько язык науки в ней «засорен» бытовой речью, в какой степени научное содержание почти каждого из понятий затемнено «здравым смыслом» и отягощено оценочными характеристиками. Нет ничего удивительного в том, что любая дискуссия в указанных науках неизбежно выливается в спор о словах столь же нескончаемый, сколь и бесплодный.

Благодаря же многоплановому и богатому содержанию рассматриваемого труда, доступному в полной мере разве только специалисту, историк, который не пожалеет времени на его изучение, извлечет, помимо конкретных сведений по многим вопросам, связанным с проблематикой этноса, вопросам, которые так или иначе входят в круг его прямых интересов, также и богатый материал, научное значение которого не связано узкими рамками специальности. Меня лично, например, поразила редко встречающаяся в нашей литературе авторская манера полемизировать, в которой научная принципиальность сочетается с глубоким уважением к суждениям не только тех, кто с ним «согласен», но и к суждениям откровенных оппонентов, умение находить крупицы истины и во мнениях, с которыми автор не согласен, рассматривая при этом свои собственные решения в значительной мере лишь как гипотезы, требующие дальнейшей проверки при изучении конкретного материала. Этот, я бы сказал, антидогматический способ авторского изложения поистине подкупает своей широтой и ненавязчивостью. Автор искренне доверяет своему читателю, которому дается богатый материал для размышлений и для вынесения собственных заключений.

Рассматривая труд Ю. В. Бромлея в плане теоретическом, правомерно заключить, что проблема логических предпосылок классификации социальных явлений и их типологизации проходит красной нитью через все его содержание, составляет его истинный творческий пафос. Проиллюстрируем на двух примерах роль таксономических определений различного уровня в разработке теории предмета. Историкам хорошо известно, в какой степени их работу затрудняет отсутствие четких представлений о типах социальных общностей, с которыми они то и дело сталкиваются при изучении отдельных, конкретных обществ той или иной эпохи. И то обстоятельство, что в рассматриваемой работе Ю. В. Бромлея эта проблема является одной из ведущих, лишний раз подчеркивает, сколь актуально предпринятое автором исследование не только для этнографов, но и для историков. Авторская концепция может быть представлена предельно кратко, но именно потому, что она во всех деталях разработана и с предельной ясностью обобщена. В процессе целенаправленной деятельности людей каждый из них оказывается втянутым в целую сеть общественных связей, которые отличаются различной протяженностью в пространстве и времени, то есть различной мерой исторической устойчивости и всеобщности. Каждая из таких связей приводит к возникновению определенной социальной общности. Такого рода общности могут быть плотными и дисперсными, лежащие в их основе связи могут быть внешними и внутренними (глубинными), непосредственными и опосредованными, первичными и производными, формальными и сущностными, наконец, они могут иметь характер не только синхронный, но и диахронный. Мы, естественно, опускаем богатый материал конкретных наблюдений, которыми иллюстрируется каждый из перечисленных параметров, однако важно подчеркнуть, что именно сочетанием этих последних определяется место каждой данной общности в иерархии им подобных. И если нас поражает сложность исследуемых явлений, богатство граней, характеризующих каждое из них, то нужно отдать должное автору рассматриваемого труда, который представил данную проблему во всей ее сложности и тем самым облегчил специалистам в различных областях обществознания поиск собственных решений данной проблемы в зависимости от специфических форм ее проявлений в контексте конкретной дисциплины.

Пример второй: проблема определения понятия культуры. Всем обществоведам, а не только философам, хорошо известны трудности, с которыми сталкивается современная научная мысль при определении содержания этого понятия. Об этом достаточно ясно свидетельствует наличие в новейшей литературе более двухсот определений культуры. Предложенный Ю. В. Бромлеем анализ данного понятия представляется несомненным достижением диалектико-материалистической мысли. Вычленив в категории «общество» два фундаментальных свойства — структуру и субстрат (под которым обычно понимают определенный «строительный материал» — «общественное тело») и различая в последнем субстрат биологический и надбиологический, автор склонен отождествить культуру с надбиологической областью, из которой, однако, исключаются структурные связи — социальные отношения. «Ясно, — заключает автор, — что этот общественный (надбиологический) субстрат — результат деятельности людей, вопло-

щенной в их духовных свойствах..., а также в опредмеченных формах». Очевидно, что здесь имеется в виду не вообще все надбиологическое, а лишь одна сторона общественного бытия — его субстратный аспект (с. 100—101). Размежевание социальных и культурных явлений, в высшей степени теоретически аргументированное и фактически обоснованное, послужит плодотворной «точкой отсчета» не только для специалистов-культурологов, но и для историков культуры. Представляется, что Ю. В. Бромлей сумел наконец преодолеть спор о словах, продолжающийся в этой области, и наметить путь к предметной разработке проблемы. Наконец, немало ценных теоретических наблюдений заинтересованный читатель встретит и в тех разделах книги, которые посвящены изучению этносоциальных процессов различных общественных формаций. В целом, труду Ю. В. Бромлея суждено занять видное место в советской гуманитарной науке. Содержащийся в нем опыт разработок «частной теории» этнографии не только вдохновит специалистов в смежных областях обществознания предпринять нечто подобное, но и значительно облегчит им решение этой задачи.

М. А. Барг

* * *

Изучение проблем теории этноса — одно из основных направлений в исследованиях представителей советской этнографической школы. Хотя проблемами этноса и этничности занимаются многие зарубежные ученые, такие, как Ф. Барт, Д. Роган-Чермак, Н. Глейзер, Д. Мойнихан, Л. Уолнер, В. Исаев, и целый ряд других (обзор их трудов с близкой к исчерпывающей полнотой дан в первом очерке рецензируемой книги), тем не менее именно для советских этнографов внимание к этим проблемам наиболее характерно. Исследования в этой области особенно интенсифицировались в последние десятилетия, когда появилось большое число конкретных работ по этнической истории и современным этническим процессам в разных регионах мира, а также теоретических работ, трактующих отдельные аспекты формирования, существования и развития этносов. Все более настоятельную потребность обобщения этих исследований, создания обобщающей теории этноса и призвана удовлетворить книга Ю. В. Бромлея.

В полном соответствии с названием книги, автор структурно подразделил ее не на главы, а на очерки. Всего их в книге четырнадцать. Такое деление не случайно, оно имеет вполне конкретный смысл: каждый очерк, хотя и связан четкой последовательностью рассуждений и изложения с остальными, тем не менее всегда посвящен вполне определенному аспекту теории этноса и мог бы фигурировать в качестве отдельной статьи, обладая полной внутренней законченностью, что, как правило, не присуще главам монографии. Кроме того, следует заметить, что эти четырнадцать очерков не исчерпывают всех аспектов теории этносов. Основные аспекты, которые рассматривает в своей книге Ю. В. Бромлей, это: проблемы понятийно-терминологического аппарата теории этноса, классификации и типологизации различных видов этнических общностей (часть первая); этнические функции и этническая специфичность таких общечеловеческих свойств и явлений, как культура, психика, круг брачных связей; взаимодействие этноса со своим природно-географическим окружением (часть вторая); этапы процессов этнического развития на уровне различных общественно-экономических формаций (часть третья). Такие важные аспекты, как соотношение этнических общностей с общностями иного характера (языковыми, расовыми, религиозными, классовыми), роль различных форм межгрупповой и межличностной коммуникации, обстоятельств и механизмов социализации индивида в формировании и функционировании этносов, как правило, не остаются вне поля рассмотрения автора, хотя и не сделаны предметом особых очерков, а включены в рамки более широких тем (культура, психика и т. д.). Однако в целом можно сказать, что практически ни один существенный аспект всей совокупности проблем и обстоятельств формирования, развития и функционирования этносов не остался без внимания автора, и книга в основном оправдывает ожидания читателей, желающих найти в ней обобщающие теоретические установки для изучения такого сложного феномена, как этнос.

Почти 400 страниц основного текста книги (не считая существенно помогающего при пользовании им подробного понятийно-терминологического и этно-топонимического указателей) насыщены рассуждениями автора, дискуссией с его оппонентами, теоретическими выводами, следующими из этих рассуждений и иллюстрирующими их многообразными конкретными примерами, взятыми из всех районов эйкумены и всех эпох ее существования. Понятно, что в рамках краткой рецензии невозможно охватить все теоретическое и концептуальное богатство книги, и приходится ограничиться анализом лишь нескольких основных положений, имеющих, на наш взгляд, наиболее принципиальное значение, или носящих наиболее дискуссионный характер.

К числу важнейших понятий, вводимых в типологию этноса в этой книге (и в более ранних работах) Ю. В. Бромлеем, относится разделение этноса на «этникос» (все члены этноса как некое множество) и «этносоциальный организм» (ЭСО), как ядро этноса, обладающее своей политической, экономической и культурной структурой. Нет сомнения в нужности и операциональности этого предложения Ю. В. Бромлея, которое было быстро подхвачено и принято большинством советских этнографов. Однако понятие ЭСО можно трактовать как в узком, так и в расширительном смысле. Насколько можно судить по книге Ю. В. Бромлея, он склонен рассматривать как полноценные ЭСО лишь те, которые имеют свою политическую надстройку в форме государства. По этой логике, в течение всей античности и средневековья армянская народность то существовала, как ЭСО (в периоды существования государственности), то переставала им быть, а в XIX веке, будучи уже нацией, имела как ЭСО «не вполне

завершенную структуру» (с. 69). Нам представляется, что наличие особой религиозной системы (с 311 г. — христианства как государственной религии, с 451 г. обособленной монофизитской церкви), единой гуманитарной традиции, межрайонных экономических связей делало армян Армянского нагорья (без диаспоры и без Киликийской Армении, бывшей, по-видимому, отдельным и своеобразным ЭСО) единым ЭСО даже в периоды раздробленности и потери независимости. Лишь в XIX веке с ростом значения и стабильности границ Российской и Оттоманской империй, обособились два ЭСО в Западной и Восточной Армении, что, в частности, выразилось в формировании двух вариантов литературного новоармянского языка — восточного и западного.

Рассмотрим далее такой крупнейший этнос мира, как китайский. Ясно, что все китайцы КНР входят в единый ЭСО, хотя и имеющий очень сложную структуру с рядом подразделений. Но китайцы, составляющие основное население других государств и территорий, например, Сингапура, Гонконга, по-видимому, должны рассматриваться как особые ЭСО. В Малайзии, наряду с малайским ЭСО (несколько менее половины населения страны), существует, очевидно, и особый малайзийско-китайский ЭСО (более трети населения), расселенный в основном дисперсно в большинстве районов Малайзии. В наши дни судьба палестинско-арабского этникоса сложилась так, что подавляющее большинство его находится в диаспоре. Однако и в диаспоре значительная часть арабов-палестинцев, несомненно, образует определенный ЭСО, который, несмотря на отсутствие общей экономики, обладает своей политической, военной структурой и пользуется широким политическим признанием. Само собой разумеется, что наличие в структуре подобного дисперсного ЭСО конфронтирующих политических групп и организаций не отрицает его существования как единого социального организма, поскольку подобная конфронтация имеет место и в тех «полноценных» ЭСО, которые обладают территорией и государственностью.

Вряд ли можно без специальных исследований ответить на вопрос, который поставить необходимо, а именно, какого характера ЭСО (один или несколько) существовали в рамках польского этноса в тот период, когда территория Польши была разделена между тремя империями — Германией, Австро-Венгрией и Россией. Существовала ли польская нация в конце XIX века? По-видимому, ЭСО может существовать и в полу-латентном состоянии, и в структуру его в этом случае входят различные социальные институты, выражающие надежды и чаяния этноса, его стремление к объединению и самоопределению. Готовых ответов на многочисленные подобные вопросы мы не получили из книги Ю. В. Бромлея, но достоинство ее в том, что благодаря сформулированным в ней концепциям и понятийному аппарату мы можем теперь приступить к исследованиям, которые могут эти ответы дать. Представляется, что одной из наиболее важных последующих задач в области теории этноса является построение типологии различных вариантов ЭСО, изучение структурных элементов, обеспечивающих их функционирование — от низовых (брачно-семейные связи, соседская взаимопомощь, ярмарки, календарные праздники, храмовые паломничества и т. д.) до высокоуровневых (политические организации, высшие учебные заведения, средства массовой коммуникации и пр.), их роли в этом обеспечении. Представляется, что в иерархии различных ЭСО (или этносоциальных общностей и групп разного уровня) смогут занять свое место очень многие реально существующие компактные и даже дисперсные группы, осознающие свою этническую общность, т. е. те группы, которые Ю. В. Бромлей выделяет как этноареальные и этнодисперсные (с. 73). Отметим, впрочем, что в работе, где впервые были введены эти термины, признавалось, что различие между ними состоит в «степени территориального рассредоточения», т. е. определяется скорее количественными, нежели качественными показателями [1].

Говоря о сопряженности популяции и этноса, Ю. В. Бромлей отмечает, что, хотя чаще всего такая сопряженность существует лишь в рамках ЭСО, дисперсный этнос в пределах определенной территории также может образовать популяцию (с. 207). Но образование человеческой популяции возможно лишь в силу действия определенной социальной организованности, которая одна лишь может у человека противостоять панмиксии, следовательно, любое этническое формирование должно либо обладать некоторыми чертами социального организма, либо раствориться в результате полной утраты относительной эндогамии.

Все вышесказанное, разумеется, не отрицает того, что высшим типом ЭСО надлежит считать лишь тот случай, когда этнос обладает, помимо всех указанных институтов, также и собственной государственностью, но это лишь подчеркивает необходимость разработки иерархической типологии разных форм ЭСО.

Особо следует рассмотреть проблему ЭСО в применении к доклассовому обществу. Там, где удается найти племя, вопрос довольно ясен — племя и есть основная форма функционирования ЭСО в таких условиях. Однако нет никаких признаков племенной структуры, скажем, у ифугао, в том виде, в каком их описал Р. Ф. Бартон [2]. В то же время наличие общих для этноса ифугао правовых и религиозных институтов, регулирующих, в частности, отношения каждой деревни с ее ближними и дальними соседями, не оставляет сомнений в том, что весь этнос ифугао действует, как единый ЭСО. То же самое можно сказать и об индейцах хиваро, очень схожих с ифугао по ряду

---

[1] Современные этнические процессы в СССР. 2-е издание. Москва: Наука, 1977, с. 16—17.

[2] *Barton S. F.* Ifugao economics. Ifugao law.— University of California Publications in American Archaeology and Etnology, v. 15, 1919—1922.

экономических и социальных параметров [3], и о многих других этносах доклассового уровня без племенного деления.

В свое время нами совместно с Н. Н. Чебоксаровым было предложено обозначать как «соплеменность» этнические общности надплеменного уровня [4]. Ю. В. Бромлей вкладывает в термин «соплеменность» иное содержание, а для указанных общностей предлагает термин «метаплемя». Это предложение вполне приемлемо, но следует оговорить, что оно может быть распространено и на такие этнические общности, которые не состоят из отдельных племен, не являются племенем сами по себе, и не достигли еще уровня народности. Именно таковы общности ифугао, хиваро и многие другие. Как к этносу к ним применимо понятие «соплеменности» в предложенном Ю. В. Бромлеем смысле, но обычно число представителей таких метаплемен, живущих вне рамок своего ЭСО, невелико, и границы не делящегося на племена метаплемени чаще всего практически совпадают с границами его более или менее оформленного метаплеменного ЭСО.

К числу очень существенных понятийных уточнений, вводимых Ю. В. Бромлеем в исследовательский аппарат этнографии, принадлежит разграничение как общностей, так и свойственных им характерных культурных особенностей на «этнические» и «этнографические» — т. е. на осознаваемые самими этими общностями и на реально, объективно присутствующие, но не осознаваемые (с. 84—85, 116 и др.). Плодотворность и операциональность такого разграничения не подлежат сомнению. Следует лишь отметить, что деление явлений на «этнографические» и «этнические» есть частный случай, в применении к этническому самосознанию, более общей культурологической категоризации этности и эмности, в предложенном К. Пайком смысле [5]. «Этнографическое» превращается в «этническое», становится из этного эмным, когда оно начинает осознаваться как выделенная в общей структуре (в этническом составе населения, в системе его культуры) категория. Ю. В. Бромлей приводит ряд ярких примеров такого преобразования, например, в отношении общеславянского единства (с. 197). Вообще проблемам этнического самосознания и осознания этнической специфики своего и других этносов, по вполне понятным причинам, в книге уделено большое внимание. Особенно интересны в этом плане соображения, высказанные в связи с избирательностью такого осознания, когда одни черты культуры и моменты этнической истории абсолютизируются в массовом сознании, а другие, напротив, игнорируются. Практически общечеловеческим инвариантом автостереотипа этногенеза можно считать предания и легенды (нередко чисто мифические) о миграции, исходе из какой-то местности (обстоятельства появления в которой обычно оказываются уже совершенно нерелевантными). Соответственно этносы, которые по данным научных исследований должны считаться на 90% автохтонными, настойчиво возводят себя всецело к мигрантам, и это проявляется не только в обыденном сознании но нередко и в позициях творческой интеллигенции этноса. Иными словами, в массовом сознании наиболее отчетливо проявляются суперстратные черты, тогда как субстратные затемняются. Впрочем, иногда в новейшее время именно творческая интеллигенция и общественные лидеры нередко апеллируют к субстратной символике (например, в Латинской Америке к индейской).

Исключительно важное значение имеет небольшой (всего 10 страниц — с 233 по 243), но чрезвычайно насыщенный очерк «К типологизации этнических процессов». Здесь вводится различение «этноэволюционных» и «этнотрансформационных» процессов, а также лежащих в иной плоскости «этносоциальных» процессов. Например, долганский этнос переживал в XVIII веке, по-видимому, этнотрансформационные процессы, находясь в стадии формирования, в XIX веке преимущественно этноэволюционные (дальнейшая гомогенизация и развитие), а в XX веке — этносоциальные (превращение в социалистическую народность).

«Основными подвидами собственно этнических процессов являются процессы этнического разделения и этнического объединения» (с. 235). В разделении Ю. В. Бромлей предлагает различать парциацию (сложение, например, русских, украинцев и белорусов в ходе парциации древнерусской народности) и сепарацию (например обособление африканеров-буров от голландцев). Проводится им и ряд тонких и точных разграничений между различными формами этнического сближения и объединения — консолидация, ассимиляция, интеграция, этногенетическая миксация, возможность перехода одного из этих процессов в другой, разное значение одного и того же процесса для ассимилирующего этноса, и ряд других замечаний, имеющих большую ценность для любых исследований по этническим процессам.

Распространяться о том, что некоторые другие положения рецензируемой книги дискуссионны, а некоторые частные вопросы теории этноса в ней не затронуты, либо затронуты лишь частично, было бы тривиальностью, так как такое утверждение может быть отнесено к любому труду, вносящему новое в теорию науки. Выше нами были отмечены те моменты, которые больше всего заинтересовали автора рецензии (прежде всего в свете интересов его собственных исследований). Ученые, подходящие к изучению этнических процессов под другим углом зрения, наверное, выделят в рецензируемой книге другие моменты. Дискуссии по поднятым в ней вопросам, несомненно, будут

[3] *Siverts H.* Jivaro Head-hunters in a Headless Time. — Perspectives of Ethnicity. The Hague. 1978.

[4] *Чебоксаров Н. Н., Арутюнов С. А.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — Расы и народы, 2. М., 1972.

[5] *Pike K.* Language in relation to a unified theory of human behaviour. Glendale, 1955.

продолжаться. Но совершенно ясно, что с выходом этой книги в свет и направленность этих дискуссий, и требования к дальнейшему анализу этнических общностей и процессов, и перспективы их дальнейшего исследования поднимаются на качественно новый этап. В этом и состоит значение «Очерков теории этноса» для развития этнографической, и шире, общеисторической науки.

С. А. Арутюнов

* * *

Выход в свет новой книги Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса» — крупное событие, значение которого, на наш взгляд, не ограничивается рамками только этнографии. Обсуждаемые в ней проблемы, конкретный фактический материал, используемый автором, и выводы, к которым он приходит, представляют интерес для системы общественных наук в целом, во всяком случае для многих из них. Некоторые из развиваемых автором положений могут представить интерес также для тех естественнонаучных дисциплин, объектом исследования которых является человек. Книга в целом — очень информативна.

Рассматривая центральную проблему книги — проблему этноса — автор использует результаты не только этнографических, но и исторических, экономических, социологических и психологических исследований. При этом он выявляет некоторые новые аспекты проблем, разрабатываемых пограничными с этнографией науками.

В книге последовательно реализуется системный подход, вытекающий из принципов материалистической диалектики.

Начав с анализа основных общностей людей, автор рассматривает основания, позволяющие считать этнос специфически человеческой общностью. При этом показываются его многомерные взаимосвязи с другими видами общности. Определив специфику этноса, автор переходит к анализу его основных форм, раскрывая иерархию этнических общностей. Этому посвящена первая часть книги.

Во второй части рассматриваются основные компоненты этноса, их структура, функции и среда. В этой связи обсуждаются проблемы культуры и ее этнических функций, этнических черт психики, этнического самосознания, эндогамии и, наконец, среды, в которой развивается этническая система.

Завершается книга анализом основных этапов этносоциальной истории человечества. Рассматривается проблема типологизации этнических процессов, показывается их специфика в различных общественно-экономических формациях. Особое внимание уделяется этносоциальным процессам в мире социализма.

Обсуждая каждую из поднимаемых в книге проблем, автор анализирует фактически все основные подходы к ее решению, давая оценку их «плюсов» и «минусов», и четко определяя свою позицию. При этом большое внимание он уделяет терминологии: показывая разнообразие существующих трактовок основных используемых в книге терминов, он всегда точно определяет содержание каждого из них применительно к контексту обсуждаемой проблемы.

Как психолога меня, естественно, заинтересовала прежде всего вторая часть книги, в которой рассматриваются проблемы этнической психологии. Опираясь на представления и концепции, сложившиеся в общей и социальной психологии, автор рассматривает проблемы психического склада личности, характера, темперамента, способностей, восприятия, мышления, сознания и самосознания. Главным в анализе психических феноменов для автора является вопрос о том, в какой мере можно говорить об их этнической и национальной специфике. Вся совокупность приведенных им фактов, их анализ и выводы убедительно показывают, что этнопсихологические феномены представляют особый класс (или область) психических явлений, требующий специального научного исследования. Иначе говоря, автор отстаивает право национально-этнической психологии на статус самостоятельной научной дисциплины, объединяющей этнографию и психологию. Вопросы о том, как в процессе общественной жизни человека формируются и развиваются этнические черты его психики, какие механизмы обеспечивают формирование этих черт, как индивид усваивает программу социального наследования, каково соотношение сознательного и неосознаваемого в процессе такого усвоения, имеют исключительно большое значение для теории и практики, интернационального воспитания.

К сожалению, национально-этническая психология, как научная дисциплина, в нашей стране не получила того развития, которого она заслуживает, более того, которое требуется для решения многих задач, возникающих в жизни социалистического общества.

Разработка проблем, относящихся к этой дисциплине, имеет большое значение для системы психологических наук в целом, особенно — для социальной и педагогической психологии, а также психологии труда, управления и искусства.

Можно ожидать, что книга Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса» окажет стимулирующее влияние на разработку проблем национально-этнической психологии и реализацию тех уникальных возможностей, которые имеются для этого в нашей многонациональной стране. В свою очередь развитие национально-этнической психологии как науки будет служить делу совершенствования средств и методов коммунистического воспитания.

Б. Ф. Ломов

* * *

Новая книга Ю. В. Бромлея выходит за пределы этнографии в собственном смысле слова и пересекается со многими другими гуманитарными дисциплинами. К числу последних, несомненно, относится социология. Думается, что всякий социолог, внимательно читающий «Очерки теории этноса», должен ощутить известную родственную близость своей науки и того направления этнографии, которое, начиная с 1970-х годов, развивается в трудах Ю. В. Бромлея.

Разумеется, близость в данном случае меньше всего означает простое сходство. Достаточно прочесть хотя бы несколько страниц книги Ю. В. Бромлея, чтобы убедиться, что ее содержание, вся ее, если так можно выразиться, исследовательская материя — обсуждаемые факты, манера изложения, приемы анализа — имеют никак не социологический, но отчетливый исторический и этнографический характер. В этом смысле «Очерки теории этноса» существенно отличаются от этносоциологических работ, представляющих специфический этнографический раздел социологии (или, — что то же самое — социологический раздел этнографии). Соотношение социологии и исследовательского направления, связанного с изучением этносов как таковых сложнее. Близость этих научных дисциплин проистекает по преимуществу из того, что они изучают однотипные, а подчас и просто одни и те же объекты — исторически сложившиеся социальные общности людей, взятые в целом, во всей системной полноте их внутренних и внешних взаимосвязей и взаимозависимостей. Но сходные объекты изучаются в обоих случаях, так сказать, под разными углами зрения.

В рамках этнографии и в особенности теории этносов, где исследуется длительное развитие этнических общностей, охватывающее века и тысячелетия, основное внимание уделяется исторической неповторимости, уникальности, многообразию подобных общностей. В социологии основной упор делается скорее на выявление общей схемы, своего рода модели развития тех или иных общностей. Цель анализа здесь обычно — установление устойчивых, повторяющихся тенденций, позволяющее предвидеть главные направления неизбежных будущих сдвигов; что же касается индивидуальных единичных особенностей, они в социологии изучаются в основном применительно к современным процессам, как специфические условия проявления общих закономерностей, учитываемые не столько в теории, сколько при разработке прикладных рекомендаций. Соответственно, социология и этнография, там где их предметы пересекаются, взаимно дополняют друг друга. Добротные этнографические исследования благодаря своему широкому историческому подходу помогают увидеть те стороны и свойства социальной действительности, которые лишь с трудом улавливаются чисто социологическим анализом. Таким же образом социологический анализ (и вообще социологическое видение общества) выступает в качестве немаловажного дополнения к собственно этнографическому изучению этносов и этнической проблематики в целом.

Книга Ю. В. Бромлея помимо своего главного значения — фундаментального вклада в развитие теории этноса — интересна для социолога тем, что она как нельзя более ясно показывает возможность взаимной дополнительности этнографии и социологии.

В частности, социолога о многом заставляет задуматься самый подход историка и этнографа к базовым дефинициям и исходным теоретическим положениям. Примечательно в данной связи рассмотрение Ю. В. Бромлеем вопроса об определении культуры. Широкий исторический контекст позволяет ему убедительно показать принципиальную невозможность единой пригодной для всех случаев дефиниции столь сложной системы явлений и процессов, как та, которая охватывается в современном обществоведении понятием культура. Дефиниция эта должна видоизменяться и уточняться применительно к постановке вопроса в том или ином исследовании. Конечно, подобные видоизменения не произвольны, они диалектически связаны друг с другом, но сама по себе известная множественность определений, их зависимость от конкретного предмета и задач исследования составляет необходимое условие плодотворного анализа действительно сложных социальных объектов. Думается, что ориентация на множественный характер дефиниций, теоретическую плодотворность которой наглядно демонстрируют «Очерки теории этноса», может оказаться эффективной и в социологии.

Как свидетельствует книга Ю. В. Бромлея, широкая историческая перспектива, характерная для исследований этого рода, в некоторых случаях позволяет получать конкретные результаты. Взгляды и интуиция историка, рассматривающего движение этноса на многовековых отрезках, обостряются всем историческим фоном, множеством аналогий и сходств, помогающих ему отличать устойчивые тенденции от случайных колебаний. Именно на этой основе Ю. В. Бромлей делает ряд обобщений, чрезвычайно ценных с социологической точки зрения. Очень примечателен, например, вывод о возрастании роли средств массовой информации в ряду факторов, обеспечивающих в современных обществах внутренние связи этносов. Замечу, правда, что одновременное утверждение автора об относительном снижении важности экономических связей в нынешних этнических процессах, особенно протекающих в странах социализма, кажется не вполне точным. Может быть, здесь лучше говорить о сравнительном ослаблении этнического воздействия одних экономических связей, прежде всего рыночных, имевших в прошлом решающее значение, при одновременном возрастании этнического эффекта других экономических связей, в частности, возникающих в процессе труда. Вряд ли кто-нибудь из специалистов будет отрицать значимость для судеб современного этноса такого экономического явления, как широкое или ограниченное распространение многонациональных трудовых коллективов в его ареале.

Еще больший интерес для социологии представляют прогнозы, органически вытекающие из анализа исторической эволюции этнических общностей. В первую очередь стоит отметить ту характеристику перспектив развития советского народа, которой Ю. В. Бромлей заключает «Очерки теории этноса». Эта характеристика исходит из того, что на нынешнем этапе советский народ не составляет этнической общности основного уровня, т. е. единой нации или национальности. Советский народ сегодня — это возникшая на наших глазах новая социальная и интернациональная общность метаэтнического характера, объединяющая людей, принадлежащих к десяткам различных национальностей. Но, как подчеркивает Ю. В. Бромлей, в ходе развития этой общности укрепляется не только единство политической, экономической, социальной жизни, но постепенно формируются единые общесоветские черты культуры, сознания, психического склада и т. п. В перспективе (разумеется, достаточно длительной) подобные процессы открывают возможность трансформации метаэтнической общности, каковой является в настоящее время советский народ, в этническое образование основного уровня. При всем гипотетическом характере подобного долгосрочного прогноза эвристическая ценность задаваемых им общих рамок текущих социологических исследований очевидна.

Разбирая взаимную дополнительность социологических и этнологических исследований в связи с фундаментальным историко-этнографическим трудом, для социолога естественно уделить основное внимание именно тому, чем этнография может помочь социологии. Однако по сути дела такая дополнительность потому и взаимна, что в ней присутствуют и обратные соотношения. Поскольку глубокая теоретическая работа всегда имеет своим итогом не только решение исходно поставленных в ней проблем, но и выдвижение (иной раз независимо от первоначального замысла автора) новых исследовательских вопросов, «Очерки теории этноса» позволяют судить и об этой стороне взаимосвязи социологического и историко-этнографического подхода к изучению этнических общностей. Динамичный характер современного мира заставляет этнографов все чаще обращаться к исследованию этнических процессов, протекающих гораздо быстрее, чем это бывало в прошлом.

Исследованию таких процессов, по-видимому, могут помочь широко распространенные в социологии приемы диахронного истолкования явлений, формально синхронных, но возникающих в стадиально различных условиях.

К примеру, в книге Ю. В. Бромлея приводятся интереснейшие данные о распространенности предпочтения народной музыки среди разного возраста узбеков, русских и эстонцев, живущих в городе и деревне. Комментируя эти данные, автор справедливо отмечает возможность самого факта сохранения подобных предпочтений в различных этнических группах. Социологу, однако, хочется обратить внимание на то, что процент людей, предпочитающих народную музыку, у русских ниже, чем у узбеков, а у эстонцев ниже, чем у русских; при этом в каждой этнической группе он у горожан ниже, чем у сельских жителей, а у молодых меньше, чем у пожилых людей. Как кажется, взятые в целом эти цифры показывают течение единого процесса ослабления фольклорно-этнической ориентации культуры по мере нарастания урбанизации и современной образованности. Можно по разному оценивать подобные сдвиги, радоваться им или сожалеть о них, но объективно необратимый характер их выступает здесь с полной очевидностью.

Вообще, как свидетельствует новая книга Ю. В. Бромлея, богатый опыт социологии в области теоретического обобщения статистической информации может оказаться весьма уместным при изучении сложных и к тому же меняющихся во времени свойств современных этнических образований. Особенно целесообразным кажется использование этого опыта применительно к изучению национального характера. Отдельные примеры, даже самые яркие, не выглядят в сфере этих тонких, зыбких явлений достаточно убедительными, тем более, что число и разнообразие таких примеров можно увеличивать до бесконечности. Скажем, автор для характеристики русского национального характера использует мысль Л. Н. Толстого об отсутствии громких фраз, как особенном, национальном свойстве русской храбрости. Нетрудно, однако, найти подобные же утверждения и у писателей, рисующих проявление храбрости других народов, скажем, у В. Теккерея. Вместе с тем русская храбрость, например, храбрость героев лермонтовского «Бородина» замечательно сочетается с красотой высоких слов, одушевленных глубоким искренним чувством. Не исключено, что в свете современных статистических представлений, взятых во всей их сложности, утверждение о том, что национальный характер проявляется не только в культуре, но и в конкретной психике большинства индивидов, составляющих тот или иной этнос, покажется самому автору некоторым упрощением. Быть может, более достоверным будет выглядеть представление о том, что специфику национального характера образуют своего рода статистические сочетания общечеловеческих элементарных свойств психики, оказывающиеся не столько свойствами индивидов, образующих этнос, сколько чертами его культурных ценностей и памятников.

Впрочем, как бы ни обстояло дело с возможностями взаимного использования этнографических и социологических подходов при решении тех или иных теоретических проблем, не подлежит сомнению, что есть область, где обе эти дисциплины практически смыкаются одна с другой. Эта область — разработка прикладных решений и рекомендаций.

В советском обществе национальный вопрос в тех его формах, какие наша страна унаследовала от прошлого, решен полностью и окончательно. Однако процесс живой действительности неизбежно порождает новые проблемы, в том числе и проблемы, связанные с развитием этносов.

Одно из серьезных достоинств новой книги Ю. В. Бромлея состоит в том, что она показывает те узлы этносоциального развития, где оно приобретает проблемный характер, где возникают задачи, решаемые практической политикой.

Сплочение национальностей Советского Союза в новую социальную и интернациональную общность, превращение их в советский народ, усиление межнациональных контактов, рост многонациональности большинства республик и поселений требуют решительного повышения сознательной, интернациональной этики межнационального общения. Такая этика тем более необходима, что в наше время, несмотря на ослабление объективных национальных различий производства, быта, культуры, происходит усиление этнического, национального самосознания. Между тем, этническое самосознание, пока оно остается стихийным, таит в себе известную опасность этноцентризма. В нем нередко проявляется определенная избирательность, склонность к абсолютизации относительных этнических свойств, тенденциозность в их оценке. Как свидетельствуют приводимые Ю. В. Бромлеем данные, в стихийном этническом сознании оценки «своей» общности почти всегда оказываются более высокими, нежели оценки «иных» национальных групп. Целенаправленное планомерное интернационалистское воспитание масс, ведущее к формированию народного сознания, сочетающего в себе чувство конкретной национальной принадлежности, ощущение уникальности национальной культуры и одновременно убеждение в высшей ценности социалистического интернационализма, оказывается поэтому обязательной предпосылкой здорового развития национальных отношений в зрелом социалистическом обществе.

Как видим, теория этноса подходит здесь к практике национальной политики и коммунистического воспитания. Дальнейшее развитие этого, так сказать, прикладного уровня исследований, по-видимому, во многом определит характер советской этнографии в обозримом будущем. Нет сомнения, что взаимодействие этнографии с социологией будет иметь в таких исследованиях первостепенное значение. И если через несколько лет к «Очеркам теории этноса» присоединится что-нибудь вроде «Очерков проблем этносоциальной политики», взаимная дополнительность социологии и этнографии, по всей видимости, проявится в них еще сильнее, чем в нынешней книге Ю. В. Бромлея.

Л. А. Гордон

* * *

Углубленное изучение проблем народонаселения в контексте мирового социально-экономического развития на различных территориальных уровнях — от глобального до локального — представляет важную задачу советской науки. Сложность этих проблем, их многоплановость определяют и междисциплинарный характер подходов к ним, к их изучению. В этой связи особую роль для исследования генезиса человечества, современных этнокультурных ситуаций и тенденций их развития играет разработка общей теории этноса.

Решение этой задачи и существенное продвижение на этом важном в теоретическом и практическом отношениях направлении теснейшим образом связано с фундаментальными исследованиями Ю. В. Бромлея. Они широко известны и во многом повышают междисциплинарное и практическое значение этнографической науки, выдвигая на передний край жгучие проблемы современности и поиски путей их решения.

Рецензируемая монография органично входит в серию других работ Ю. В. Бромлея, выделяясь, впрочем, особой широтой, до известной степени — определенной «всеохватностью». Но при этом — отнюдь не в ущерб глубине теоретических подходов и обобщений.

Знакомство с книгой дает возможность сделать однозначный вывод о ее большом значении для экономической и социальной географии и прежде всего для ее составной части — географии населения, а также и для исторической географии. Она представляет определенный интерес и для географов других специальностей, особенно для страноведов, которые изучают страны и районы в широком спектре проблем «от геологии до идеологии», как говорил выдающийся советский географ Н. Н. Баранский.

Отметим глобальность территориального охвата этой книги. Ее арена — весь мир, практически все его обитаемые регионы. Достаточно сказать, что «Указатель географических и этнических названий» (с. 404—410) содержит около 700 наименований.

Для географов не менее ценно и то, что Ю. В. Бромлей предметно рассматривает ряд существенно важных для экономической и социальной географии вопросов. Так, например, им с большей или меньшей степенью обстоятельности используются и такие важные для географии термины и понятия как ареал (географический, историко-культурный, хозяйственно-культурный), границы (разных типов), миграция, население, регион, среда (в том числе географическая), территория, топоним, хозяйственно-культурные типы, хозяйство и ряд других.

В теоретическом и в не меньшей степени в методическом отношениях для географов интересны системно-структурные и типологические подходы, пронизывающие всю монографию. Эти подходы традиционно составляют ядро методологии и методики географических исследований и характеристик (как отраслевых и покомпонентных, так и комплексных). Поэтому их применимость и использование в смежных научных дисциплинах и в междисциплинарных исследованиях для географов весьма поучительны.

И коль скоро речь зашла о системной направленности подходов к различным сторонам теории этноса, то хотелось бы особо отметить стремление автора выявить то

главное и определяющее, что ведет к развитию систем в «направлении целостности»[1]. Это — одна из главных и определяющих линий в развитии и изучении систем различных типов и иерархических уровней. И объективный анализ подобной направленности в развитии систем, ее движущих сил и факторов изначально важен для таких «системных» наук как этнография и география.

Ю. В. Бромлей в своей монографии четко показывает определяющую роль социально-экономических факторов в формировании этносов, в их развитии и взаимодействии. Это видно, в частности, на примере очерка «Этнос и его среда». Несомненно плодотворна и расширительная трактовка «среды» — этого краеугольного понятия системы наук, в том числе и при изучении взаимодействия общества и природы. Автор рассматривает роль природной и социальной среды в формировании и трансформации различных этносов, но анализ этот проводится слитно, а процесс не отрывается от его результатов.

Географам этот очерк будет, пожалуй, особенно интересен. В нем автор аргументированно говорит о важной роли природной среды и ее отдельных компонентов в формировании и трансформации этносов. Возможно, стоило бы в этом анализе учесть ландшафты как природные, так и преобразованные, антропогенные. Ландшафты, их качества, продуктивность, наконец — эстетические свойства и степень сохранности — все это также важно для развития этноса[2].

Географы могут сказать, что монография Ю. В. Бромлея увидела свет как нельзя более вовремя. Дело в том, что в современной мировой географии интенсивно протекает процесс ее социологизации и гуманизации. Человек, его проблемы и их географические аспекты занимают все более важное место в системе географических наук. Это прекрасно показано в крупной теоретической работе В. В. Покшишевского[3].

Отметим, что человек, проблемы народонаселения всегда занимали достойное место в русской классической географии. Об этом, в частности, свидетельствуют труды выдающихся русских географов, то почетное место, которое занимала этнография в Русском географическом обществе.

Многие советские географы еще в довоенные годы внесли большой вклад в становление советской географии населения (Н. Н. Баранский, Р. М. Кабо, О. А. Константинов, В. В. Покшишевский и др.). При этом постановка вопроса отличалась широтой и масштабностью. Так, Р. М. Кабо подчеркивал, что география «должна охватить все стороны жизни человека, которые в той или иной степени связаны с освоением территории»[4]. Р. М. Кабо включал в географию населения следующие элементы: географию народов[5], размещение населения по территории (включая миграции, особенности расселения и т. п.), географию занятий и образа жизни населения (в том числе трудовые навыки, сезонные различия в труде, характер потребления и т. п.).

Был, правда, период в развитии советской географии, когда по причине ее дифференциации и «расползания» отдельных составляющих ее научных дисциплин человек, по определению Н. Н. Баранского, затерялся между экономической и физической географией. «Человек пропал» — с большой горечью говорил Н. Н. Баранский, анализируя положение дел в советской географии в первые послевоенные годы. К счастью, с той поры картина совершенно изменилась, а в системе общественной географии проблемы человека, народонаселения, его «количества» и в не меньшей мере — «качества» заняли подобающее им место. Это находит свое отражение и в официальном названии общественной географии (экономическая и социальная география).

По этой причине создание общей теории этноса «работает» на развитие методологии экономической и социальной географии и прежде всего географии населения на магистральных направлениях междисциплинарного характера.

Кратко остановимся на некоторых вопросах дальнейшего развития исследований этноса с позиций географической науки и ее испытанных временем методов. В частности, необходимо более глубокое исследование многогранных взаимосвязей между населением, этносами и их расселением, территорией, ее природно-ресурсным потенциалом и характером его использования в определенной системе международного разделения труда.

В формировании и развитии этносов особое место занимает широко понимаемая урбанизация как сложнейший социально-экономический процесс. И дело не только в возрастающей роли городов (особенно крупнейших) во всех сферах жизни общества. Урбанизация — процесс универсальный, имеющий, впрочем, свои типологические и региональные модификации. Он включает абсолютный и относительный рост городского населения, формирование систем городов, внедрение форм городской жизни в сельской местности, ломку ее патриархальных укладов и ряд других черт. Системы городов все

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1. с. 229.

[2] Тут, пожалуй, уместно вспомнить, что наш известный писатель В. Солоухин прямо связывал «ухоженность» ландшафта, его «прибранность» с состоянием культуры населения. Охрана природы и ландшафтов стала ныне одной из глобальных проблем человечества. Что касается системы «ландшафт-этнос», то она может стать темой специального исследования.

[3] *Покшишевский В. В.* География и население. Теоретические очерки. М., Мысль, 1978.

[4] *Кабо Р. М.* Элементы географического изучения населения в СССР. — «География в школе», 1941, № 3, с. 50.

[5] Об интересе к проблематике этносов в географии свидетельствует и то, что одна из глав упомянутой монографии В. В. Покшишевского называется «География населения и этнические процессы» (с. 181—204).

более заметно меняют облик мира, а в развивающихся странах урбанизация выступает в качестве одного из ведущих «агентов» социально-экономических трансформаций. Урбанизация заметно ускоряет все этнические процессы, и ее роль в развитии этносов огромна. Проблемы урбанизации и ее значение в общей теории этноса должны были бы получить в монографии Ю. В. Бромлея более полное отражение. Между тем в терминологическом указателе даже нет таких понятий как «урбанизация», «город» и производных от них.

Автор оперирует различными территориальными группировками, прежде всего «регион», «ареал», тогда как есть и такая важная таксономическая единица как «район». К тому же формирование экономических районов (как, впрочем, и внутренних экономических связей, национальных рынков, о чем бегло говорится на с. 225) имеет много общих черт со складыванием наций.

И, наконец, — о методах исследования этносов. Важную роль мог бы играть картографический метод. Картографирование этносов — важная и перспективная задача. Она могла бы получить и более широкое освещение в работе (упоминаются только историко-этнографические атласы на с. 121). По-видимому, заслуживают внимания и вопросы количественных методов в изучении развития этносов, параметризация этнических процессов (существует, например, «индекс этнической мозаичности»).

Не приходится сомневаться, что монография Ю. В. Бромлея будет интересна и полезна представителям многих научных дисциплин и всем, кого интересуют проблемы человечества, его многообразия и единства. Для географических исследований характерна «игра масштабами», то есть рассмотрение тех или иных проблем на всех территориальных уровнях — от глобального до локального. При этом география все более активно включается в изучение глобальных проблем человечества. Рецензируемая работа поможет географам и в осознании сложности проблем меняющегося мира и его народонаселения.

Я. Г. Машбиц

* * *

Новая книга академика Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса» по объекту и предмету исследования адресована прежде всего этнографам. Однако народы — этносы, будучи основным объектом этнографической науки, содержат в себе такие аспекты и стороны, предполагают такие ракурсы изучения, которые составляют весьма важные признаки, свойства и качества предметов других наук: истории, социологии, археологии, географии, культурологии, антропологии, психологии, языкознания. Иначе говоря, объект этнографии многопредметен, вследствие чего в широком исследовательском пространстве, называемом этносом, возникают многочисленные перекрестки наук. Помимо того, что выход на перекресток двух наук открывает новые перспективы, он означает также возникновение новых идей, которые могут оказаться одинаково ценными для обеих перекрещивающихся научных дисциплин.

Языкознание никогда не чуралось этнографии, а в некоторых своих ответвлениях использовало ее достижения. Однако обращение языковеда к данным, добытым этнографией, чаще всего носило (и носит) эпизодический, так сказать, потребительский характер и не обязательно систематически сопрягает языковые явления с этническими. Вообще говоря, дефисные наименования научных перекрестков (социо-лингвистика, психо-лингвистика и т. д.) не всегда четко отражают характер кооперации перекрещивающихся наук, так же как упразднение дефиса (социолингвистика, психолингвистика и т. д.) не снимает вопроса об их автономии.

Сложносоставные термины для обозначения перекрестков наук, независимо от того, пишутся ли они (термины) раздельно (социальная лингвистика), через дефис (социолингвистика) или слитно (социолингвистика) обозначают не два предмета двух разных наук, а единый предмет, в нашем случае — язык как предмет языкознания, лингвистики. То же можно сказать в отношении этнолингвистики. При том, что язык может изучаться в географическом пространстве (лингвогеография), в социуме (социолингвистика), в этносе (этнолингвистика), в соотнесении с законами психики (психолингвистика) и т. д. языкознание остается единой наукой, так же как использование различных методов изучения языковых явлений, применяемых к языку в целом или к его отдельным уровням (структурная лингвистика, математическая лингвистика, экспериментальная фонетика и т. д.), не отменяет этого единства.

Хотя жизнь языка конкретно проявляет свою сущность в социуме, этносе, коллективе, индивидууме и т. д. в научном анализе в одних случаях допустимо отвлечение от этих обстоятельств (они держатся, так сказать, «в уме»), в других же случаях учет внеязыковых факторов обязателен. Так, например, исследование языковых ситуаций требует основательных знаний типов этнических общностей, характера этнических связей и т. д., т. е. иначе говоря, учета «этнической ситуации».

Использование лингвистами этнографических данных находится в прямой зависимости от уровня теоретической разработки понятийного аппарата, выявления базовых категорий науки об этносе. Книга Ю. В. Бромлея как раз и раскрывает сущность базовых категорий этнографии в системном аспекте. Для этнолингвистики важными оказываются:

1. Выбор из необозримого спектра общностей (временных, «статистических», и т. д.) основных этнодифференцирующих признаков: «собственно этнос... может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающая не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также

сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» (стр. 57—58).

2. Установление форм этноса и их соотношения с другими типами общностей (народность, нация, субэтносы и др.).

3. Учет многослойности и лабильности (например, в культурном аспекте) историко-этнографических общностей.

4. Необходимость изучения взаимопересечений большого числа этнических общностей, создающих сложную сеть, отражающую пространственное строение культуры «этнических союзов» (например, в СССР).

5. Исследование культуры этнической общности как одного из важнейших компонентов этноса.

Можно было бы значительно увеличить перечень этнографических понятий, терминов и проблем, имеющих значение для лингвистики на пути ее пересечения с этнографией. Однако дело не только в этом. Фундаментальная в самом строгом смысле этого слова книга Ю. В. Бромлея дает ценный материал, идеи, методические «подсказки» для изучения общих проблем социологии языка, его истории, состояний, ситуаций, развития, соотношения с культурой.

Г. В. Степанов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982, 357 с.

Рецензируемая коллективная монография представляет итог многолетней работы группы историков и лингвистов* — сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР, возглавлявшейся Г. Г. Литавриным и покойным В. Д. Королюком.

Предмет исследования — этнические процессы у древних славян на переломном этапе их этнической и социальной истории, начиная с распада древнеславянской этнической общности и появления племен и племенных союзов до возникновения первых раннефеодальных государственных образований славянских народов, т. е. с V—VII по XI—XII вв.

Композиционное построение труда, строго подчиненное основному замыслу, придает ему законченность. Целостному восприятию основной концепции способствуют две первые обобщающие главы — «Древняя славянская этническая общность» (авторы: В. Д. Королюк, Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря) и «Ранние этноязыковые контакты славян на Балканах и лексика южных славян» (Л. А. Гиндин, В. Э. Орел), отчасти «Введение» (В. Д. Королюк и Г. Г. Литаврин), в особенности же «Заключение» (те же авторы), представляющее не просто повторение выводов глав, а теоретическое обобщение более высокого уровня. Чтобы завершить характеристику структуры книги, отметим, что она снабжена «Аннотированным указателем-словариком этнических наименований», а также «Указателем личных имен и географических названий». В «Приложении» дан перевод сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей» со «Словариком терминов» и «Указателем собственных имен и географических названий» к этому сочинению. К сожалению, отсутствует в монографии элементарный предметный указатель; это тем более досадно, что используемые в ней многочисленные понятия и термины представляют интерес не только для читателей-специалистов, но и для более широкого круга лиц, желающих познать «тайны» глубокого средневековья.

Опираясь на свидетельства письменных источников и археологический материал, авторский коллектив поставил своей задачей воссоздать процесс эволюции этнического самосознания древних славян, уделив особое внимание формированию самосознания феодальной народности — древнерусской, болгарской, чешской, польской, хорватской, сербской. В книге также прослежены этапы этнической истории славянского населения Великоморавского княжества и междуречья Эльбы и Одера.

Авторам удалось четко наметить три этапа в развитии этнического самосознания славян в эпоху раннего средневековья: первый соответствует переходу, когда славянская общность была еще слабо дифференцированной и занимала сравнительно небольшую территорию; второй — периоду интенсивной этносоциальной и этнокультурной дифференциации славянской общности и образования военно-территориальных племенных союзов; третий — периоду создания раннефеодальных государств и возникновения самостоятельных народностей.

Предложенная модель реконструкции этнического самосознания славян раннефеодальной эпохи может, на наш взгляд, оказаться полезной при изучении аналогичных процессов у населения и других историко-географических регионов, с учетом, конечно, их специфики. С наибольшими трудностями авторы столкнулись при изучении первого этапа ввиду отсутствия сколько-нибудь достоверной информации. Для этого этапа

* Авторский коллектив: В. Д. Королюк (отв. ред.), Г. Г. Литаврин (зам. отв. ред.), Л. А. Гиндин, В. В. Иванов, Я. Д. Исаевич, Е. П. Наумов, В. Э. Орел, А. И. Рогов, Г. Э. Санчук, Н. И. Толстой, Б. Н. Флоря.